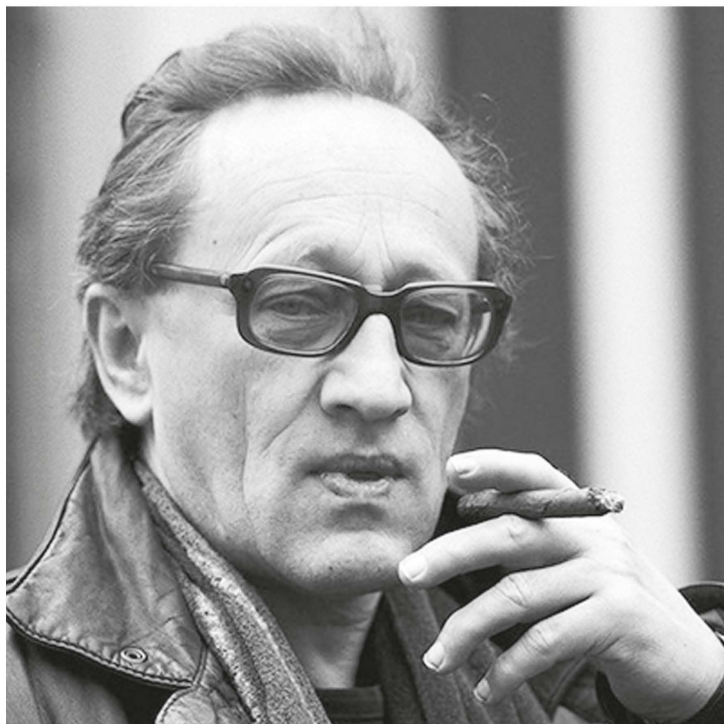

Хайнер Мюллер

**ИСТОРИЯ —
ЛИШЬ ЧТИВО ДЛЯ ПОЭТОВ**

Хайнер Мюллер

История – лишь читиво для поэтов

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74435931

История – лишь читиво для поэтов / Хайнер Мюллер, [пер. с нем. Э.

Венгеровой]: Перо; Москва; 2026

ISBN 978-5-00270-945-8

Аннотация

Хайнер Мюллер (1929-1995) – немецкий драматург и театральный режиссер, поэт и публицист, последний президент Академии искусств ГДР. Приобрел широкую известность в ГДР и за ее пределами как последователь Брехта, основоположник социалистического неоклассицизма и яркий представитель интеллектуальной драмы. В этом сборнике представлены его пьесы-притчи на мифологические и исторические сюжеты. В сущности, он создал свой оригинальный поэтический театр ремейков.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Филоктет

5

Конец ознакомительного фрагмента.

57

Хайнер Мюллер

История – лишь ЧТИВО ДЛЯ ПОЭТОВ

Включенные в сборник переводы поэтических драм: «Филоклет», «Гораций», «Маузер», «Волоколамское шоссе. 1. Русская увертюра», «Геракл–5», «Медея: материал» печатаются по изданию: Хайнер Мюллер. Проза. Драммы. Эссе. Диалоги. М.: РОССПЭН 2012.

Перевод текста «Блок Моммзена» выполнен по публикации берлинского театрального издательства Henschel (1996).

Филоктет

Филоктет на Лемносе

Античная вазопись

Действующие лица:

Филоктет¹

Одиссей

Неоптолем²

Пролог

Исполнитель роли Филоктета в клоунской маске

Приветствую вас, господа хорошие!

Мы вам представим далекое прошлое,

Когда человек был врагом человеку,

И войны велись испокон веку,

И много напастей в жизни таилось.

Признаемся: в пьесу мораль не вместилась.

Уроков для жизни извлечь невозможно.

Кто хочет уйти, уходи пока можно.

Двери зала с шумом распахиваются.

Я предупредил.

Двери зала закрываются.

Ничего смешного

В том, что мы с вами делаем снова.

Берег. Одиссей и Неоптолем

Одиссей

Вот это место – Лемнос³. Здесь когда-то
Оставил я на диком берегу
Милетского героя – Филоктета.
Он рану получил на службе нашей
И не годился для дальнейшей службы.
Зловонный гной та рана источала,
А вопли не давали людям спать
И нарушали тишину молчанья,
Предписанного при закланье жертв.
Вон там, в пещере той, его жилище
(Надеюсь, что жилище, а не могила) —
Дыра в скале, пробитая водой.
Вода вершила долгую работу
С тех пор еще, как рыбы жили здесь,
Где мы ступаем, ног не замочив.
Там есть родник. Ведь за десяток лет
Родник не высыхает? Разыщи мне
Его жилище. И выслушай мой план.

Неоптолем

Твое задание выполнить легко.

Одиссей

Пуста пещера?

Неоптолем

Здесь охапка листьев
И деревянный жбан. Кремень с кресалом.
Развешаны лохмотья для просушки.
Все в пятнах черной крови.

Одиссей

Гной из раны.
Он, значит, далеко не мог уйти.
Он ищет пропитанье и траву,
Смягчающую боль. Смотри, чтоб нас
Он не застал врасплох. Кого-кого,
А уж меня готов убить он первым.

Неоптолем

Ты был мечом, что прочь его отсек.

Одиссей

Ты будешь сетью, что его поймает.

Неоптолем

Вот странные слова. Чего ты хочешь?

Одиссей

Чтоб ты не пощадил себя для дела.

Неоптолем

Дрожать за жизнь? Я не затем живу.

Одиссей

Бывают вещи, что дороже жизни.
Ты должен выманить у Филоктета лук.
Мне рот он тотчас стрелами заткнет.
А ты к его несчастью непричастен.
Тебя не видел он на кораблях.
Язык раздвоив, ты его поймаешь.
Мы с безоружным справимся легко.
Легко до корабля его дотащим.

Неоптолем

Я помогать согласен, а не лгать.

Одиссей

Помощник нужен мне, солгать согласный.

Неоптолем

А может, правдой большего добьемся?

Одиссей

Бессильна наша правда перед ним.

Неоптолем

Нас двое. Он же – на одной ноге.

Одиссей

Он нас сильнее – у него есть лук.

Неоптолем

На поединок вызовем его.

Пусть наши стрелы налету скрестятся.

Одиссей

Кто в бой пойдет за мертвым полководцем?

Неоптолем

А вдруг стрела на нашей тетиве
Его стрелу сдержать в колчане сможет?

Одиссей

Своею жизнью он не дорожит.
Он ищет нашей смерти. Но под Троей
Нужны все жизни – наши и его.

Неоптолем *отбрасывая свое копье*

Его возьму я голыми руками
И притащу в руках на наш корабль.

Одиссей *поднимая копье*

Хвались отвагой где-нибудь еще,
А здесь мне нужен ум твой. Мало проку
От хитрости покойника. Учись,
Пока я жив, не то стрела
Тебя уму и разуму научит.
Ему навстречу сделай только шаг,
И станет этот шаг твоим последним.

Неоптолем

Позволь мне сделать шаг – я не боюсь.

Одиссей

Стой – иль таким же собственным копьем
Я к острову тебя прибую навек.

И никакой Геракл тут не поможет.⁴

Как не помог тому, кого к горе
Навек прибил ограбленный им Зевс
Для развлечения коршунов голодных.
Твоя же печень из другого теста,
И коршуны склюют тебя с камней.

Неоптолем

Какая смелость перед безоружным.

Одиссей

Вот видишь, каково быть безоружным.

Неоптолем

Я вижу подлость. Уж не в первый раз
В твоих руках, столь к воровству способных,
Мои доспехи вижу. Ты украл

Копье, и меч, и щит из бычьей кожи.
Ты не по праву ими завладел.
Владел по праву ими мой отец,
Когда ему еще служили руки.
Верни мне, Одиссей, мое копье,
И ты увидишь, как я им владею.

Одиссей

Увижу. Но не здесь и не теперь.
Я видел, как твое копье краснеет.
Я знаю, как искусен ты в бою.
Ты нужен мне живой, тебе – чтоб жил я.
Мое копье – копье царя Итаки —
Повелевает силой в тыщу копий.
И та же сила есть в копье твоём.
Вот скольких я спасу. Иль потеряю,
Вернув тебе искусное копье.
Вот почему я взял тебя под Трою,
Пока ты жизни вкуса не узнал.
Отец твой слишком рано пал в бою,
И воины его, справляя тризну,
В бой не пошли и на кургане пили
Его вино, деля его рабынь,
Истосковавшись по вину и бабам.
Кто, как не я, для славы и добычи
Помог Ахиллу Гектора пронзить?⁵
Ты был нам нужен, чтоб толкнуть их в бой.
Сейчас нам нужен этот Филоктет,

А не твоя неловкая рука,
И не его рука, в ней мало проку.
Пинком ноги в знакомой бычьей коже
Легко толкнет он в битву свой отряд.
Доспехи не для славы я ношу,
Я их добыл в бою за труп Ахилла.
Мои солдаты кровью истекли,
За мертвого останки умирая.
Их шрамы ныли. Но, меня увидев
В твоих доспехах, поняли они,
Что не напрасно проливали кровь, —
И перестали шрамы их гореть.
Как возвращусь я к ним без Филоктета?
Коль не пойдут его солдаты в бой,
Умоются троянцы нашей кровью,
И грифам наша плоть на корм пойдет.
Ты не умеешь лгать и воровать,
Я это знаю. Но сладка победа.
Пусть твой язык лишь на день станет черным,
А после в добродетели живи
Всю жизнь до смерти. Если ты откажешь,
Мы все должны одеться в черный траур.

Неоптолем

Не вырастет добро из скверной почвы.

Одиссей

Но дерево – одно, земля – другое.

Неоптолем

А буря дерево с корнями вырвет.

Одиссей

Да, но не лес.

Неоптолем

Огонь поглотит лес.

Одиссей

Или поток под лесом смывает почву.
Коса всегда найти на камень может.
Все преходяще. Мы поговорим
Об этом позже. На руинах Трои.

Неоптолем

Не слышать бы тебя. Не знать вовек.
Скажи мне ложь, что должен я сказать.

Одиссей

Возьми копье. Скажи сначала правду,
Что ты Неоптолем – Ахилла сын,
Сын самого отважного их греков,
Пронзенного стрелой воровской
Париса-бабника. Потом солги,
Что ты домой на родину плывешь
Под парусами ненависти лютой,
Что ненавидишь нас, что мы призвали
Тебя под Трою, славой поманив,
Едва успел остыть Ахилла пепел,
Что захлебнулась долгая осада
В глубоком трауре отцовских войск,
Что ты потом не выдержал позора,
Когда увидел, что отца доспех,
Твое наследство – щит, копье и меч,
Тебе принадлежащие по праву,
Мы у тебя украли без стыда,
Что я, тебя опутав низкой ложью,
Присвоил твоего отца доспех.

Неоптолем

Молчи, а то под Трою не вернешься.

Одиссей

Ты крови жаждешь? Руку поцарапай.
Ты жаждой крови мучим с детских лет.
Глупец! Да я вот этим самым древком

Копья отцова проучу тебя.
И живо ты вернешься в стан ахейцев.

Неоптолем

Мне долг велит троянцев ненавидеть.
Пусть только рухнет Троя, сгинет враг —
И я копье в твоей крови омою.
Не сокращай положенного срока
Словами, что родят звериный гнев.

Одиссей

Прибереги-ка желчь свою для дела.
Копи свой лютый гнев, коль есть охота.
Тебе поможет он приказ исполнить.
Твой мутный взгляд обманет Филоктета.
Доверчиво отдаст он страшный лук,
Услышав, что моей ты жаждешь крови.
Я для того и взял тебя на Лемнос.
Сказавши правду, ты ему солжешь.
Мой враг врага заманит в сеть мою.
Ты покраснеешь от стыда, а он
Подумает, что красен ты от гнева.
Ведь ты не заешь сам, какое чувство
Тебя краснеть заставит: стыд иль гнев.
Чем ярче стыд твое лицо окрасит,
Тем больше он твоей поверит лжи.

Неоптолем

Ах, так. Тогда тебе я не помощник.

Одиссей

Неоптолем, ты далеко не первый,
Кто против воли должен поступать.
Мы тоже через это все прошли.
Отец твой в платье женское залез
И спрятался на женской половине.
А я под видом странника-купца,
Себя не выдав ни единым взглядом,
В покои царские сумел пробраться
И твоего отца разоблачить.
Я выложил пред ним свои товары:
Для женщин утварь и мужской доспех.
Себя он выдал, испугавшись прялок
И радостно оружие схватив.⁶
Но и меня ахейские вожди
В войну втянули, как я ни хитрил.⁷
Я притворился полным дураком:
Я шел за плугом, в землю соль бросая,
Я называл волов в ярме начальством,
Не узнавал в лицо знакомых старых.
Они же сына у жены моей
От материнской груди оторвали
И в борозду под плуг швырнули мне.

И я едва успел сдержать волов,
Копыт четыре пары удержать,
Чтоб не удобрить дорогою кровью
Испорченную солью борозду.
Так здравый смысл перехитрил меня,
И не осталось мне пути из долга.
Ну, хватит. Хочешь, на колени стану.

Становится на колени.

Неоптолем

Будь я троянцем, сладок был бы долг.
Привыкла пыль, что ты ее целуешь.
Перед моим отцом все три вождя
Пыль целовали, стоя на коленях,⁸
Когда отец войну остановил,
Когда вы первую его победу
Присвоили, лишив героя славы.

Одиссей

Он оскорблен был дележом добычи.
Но твой отец был поумней, чем сын.
Он понимал, что мы, целуя пыль,
Считаем камни, а его ждет смерть,
Коль даст он волю гневу, коль отдаст
Свой меч росе. Я, на коленях стоя,

Твою спасаю жизнь, Неоптолем.

Встает с колен.

Вон твой улов. Он все еще хромает.
Не надо, чтоб он видел вместе нас.
Не то умрешь, моей не выпив крови.

Неоптолем

Похож на зверя – не на человека.
И туча черных коршунов над ним.

Одиссей

Ты бойся лука у него в руках,
Пока не поплывет он с нами к Трое
По доброй воле – иль в цепях, как раб.
А там Асклепий-врач⁹ его излечит,
Чтоб Филоктет помог нам излечить
Ту рану, из которой уж давно
Рекою льется двух народов кровь.
Там от зловонья слишком долгой битвы
Его волшебный лук избавит нас.
Но более, чем стрел его и лука,
Его несчастья бойся, сын Ахилла.
Не видя раны, исцелишь ее.
Не слыша стонов, ты умеришь стоны.

В твоих руках теперь судьба всего,
А я могу при этом лишь молиться
Гермесу, чтоб помог тебе схитрить.
И да поможет нам с тобой Афина,
Рожденная из Зевса головы.

Уходит.

Входит Филоктет.

ФИЛОКТЕТ

Живой на этом мертвом берегу.
И ходит прямо, как когда-то я
В иной стране на двух ногах здоровых.
Ты кто, двуногий? Человек? Зверь? Грек?
А если грек, то быть им перестанешь.
Беги ты хоть на тыще ног со страху,
Моя стрела догонит.

Неоптолем останавливается.

Брось свой меч.
Каким ты языком учился лгать?
Какого ты помета, пес паршивый?
Каким недобрым ветром твой корабль
Забросило на каменистый берег?
Его же все суда кругом обходят
С тех пор, как я не отвожу от моря
Усталых глаз, и нет удачи мне.
Я одинок на острове моем.

Лишь туча коршунов мне застит небо
И терпеливо ждет, когда я сдохну.
Ждет, чтоб отнять у рыб мои останки,
Когда за кораблем я брошусь в море
Я вижу, носишь ты одежду греков.
А в платье грека может грек торчать.
А может быть, убил ты грека, друг?
Коль грека ты своей рукой зарезал,
То другом я тебя назвать готов,
Ведь каждый грек достоин лютой смерти.
И если ты меня пошлешь к теням,
Ты будешь прав: я грек и стою смерти.
И сам я буду прав, тебя убив,
Зарезав грека в греческой одежде.
Ведь это греки бросили меня
На красном камне средь соленых вод.¹⁰
Я ранен был на службе делу греков
И не годился к службе из-за раны.
И греки это знали, но никто,
Никто из них не протянул руки.
Изгнания шторм сорвал с меня одежду,
И превратился грек в зловонный труп —
Труп, что с могилы кормится своей.
Но места всем в моей могиле хватит.
Ответь, пока я правду не узнал
В твоём предсмертном крике: кто ты? грек?
Молчанье — знак согласия. Лук натянут.
Умри же. Падаль коршуны сожрут.
Закуской ты моей послужишь пище,

Пока я пищей коршунов не стал.

Неоптолем

Ты грубым словом привечаешь гостя,
Лук натянув. Голодному скитальцу
Ты грубое готовишь угощение,
Постель ему готовишь в чреве птиц.
Знай я, что здесь стрелой гостей встречают
И потчуют стервятников их мясом,
Я повернул бы в море свой корабль.
Оно гостеприимнее, чем ты.
Хозяйничай на острове своем,
Таком же диком, как его хозяин.

Филоктет

Забытый звук родного языка.
На нем впервые произнес я слово,
И тысячей гребцов повелевал,
И тыщу копий посылал на битву.
О, как ты ненавистен и любим,
Как долго из моих лишь уст был слышен,
Когда сквозь зубы боль тащила крик,
И скалы крик обратно возвращали
Моим же голосом в мои же уши.
Как алчет слух другой услышать голос.
Тебя в живых пока оставлю, грек.
Грек, говори. Брани меня жестоко,

Хвали моих врагов. Но говори.
Лги, грек. Я слишком долго лжи не слышал.
Где твой корабль? Откуда ты? Куда?
Ты с порученьем? Что за порученье?
Ты знаешь, что ты видишь пред собой?
Нелепость на единственной ноге
И плоть прогнившую другой ноги.
Я не видал тебя среди врагов.
Ты безбород. И ты оружие носишь
Наверняка не дольше, чем ношу
Я эту черную больную ногу.
Я знаю, что моих врагов злословье
Способно очернить и тени тень,
И мертвых, и младенцев не рожденных.
Какую ложь они тебе внушили?
Какое зло велели сотворить?
Моим убийцам, видно, невтерпеж.
Ты, как борзая, след берешь кровавый,
Чтоб задушить подстреленную дичь,
Пока она псам глотки не порвала?
Дыши. Еще ты правды не сказал.
Тебе осталось жизни на три слова.
Скажи их.

Неоптолем

Ты чужой мне, незнакомец.
Твое несчастье неизвестно мне.
Невинного твой выстрел птицам бросит.

Филоктет

Молчи. Тебе я голос вырву, грек.
А, может быть, и вправду ты не знаешь,
Куда корабль твой ветром занесло.
Но, зная остров, знаешь и меня.
Ведь наши имена в одно слились.
Ведь обо мне кричит здесь каждый камень.
Я острову хозяин и слуга.
Мы скованы с ним неразрывной цепью
Соленых синих волн до горизонта,
Что держат нас в кольце: меня и Лемнос.

Неоптолем

О Лемносе слышал, тебя не знаю.
На Скиросе нас не учили лгать.

Филоктет

Но, может быть, что вор и лжец с Итаки¹¹,
Укравший стадо твоего отца,
На ложе матери твоей прокрался
И семенем за кражу уплатил.
И вырос лжец из семени лжеца,
И ты – тот лжец. Оставь копье в покое.
Будь кем угодно, лжец, убийцей, вором.

Но у тебя корабль. С меня довольно.
Найдется место на скамье гребцов
Или под ней. Есть у тебя корабль?
Чужбину вырви из-под ног моих.
Тень коршунов из глаз моих ты вырви.
Иль буря в щепки разнесла корабль.
И мне с тобой делить придется птиц?
Что ж, трапеза скуднее станет вдвое
От голода двойного, и могила
Потребуется нам в два раза раньше,
Иль без нее на солнце мы сгнием.

Неоптолем

Я – Ахиллеса сын, Неоптолем.
По порученью чести оскорбленной
Плыву на Скирос из далекой Трои.
Ты для врагов побереги стрелу.
Мой враг и твой, он с острова Итаки,
Где делают царями гнусных псов.

Филоктет

Сын Ахиллеса, милости прошу.
Здесь дуракам всегда и честь, и место.
Ты, значит, оказал услугу грекам?
За это дураков они казнят
И правильно, конечно, поступают.
Лишь грек способен на такую дурь —

Хоть пальцем шевельнуть для подлых греков.
Поговорим о чем-нибудь другом.
Скажи мне, сколько длилась та война
За град Приама? Кто лежит в курганах
Из ненавистных и любимых нами?
Ведь я отплыл на Трою с первым флотом
И был до первой битвы побежден.
И счета лет не вел я по деревьям,
Поскольку здесь деревья не растут.
Одно лишь солнце вечный круг вершит,
Один лишь месяц на дороге черной
Под незаметной поступью созвездий
Однообразно изменяет лик.
И я устал считать тысячекратно
Восходы и закаты. Сколько лет я
Моим врагом был на моей войне?
Война меня коснулась острием,
Что пострашнее всех мечей троянских.
Не боль ужасная меня втоптала в пыль,
И не нога больная ужаснула.
Мой ужас в том, что враг был без лица.
Ах, если бы себе в глаза взглянуть,
Стрелой прибить бы ветер к диску солнца,
Чтоб ветер не пятнал зеркало вод,
Быть может, отражение свое
Я увидал бы в коршуна глазах.
Но стрелы настигают птиц так быстро,
Что я лишь глаз слепой встречаю взглядом.
Хотя бы на мгновенье увидеть

Свое лицо в их не предсмертном взгляде.
За этот миг я умереть готов.
За долгий взгляд погибнуть смертью долгой.
И я бы стал последним, кто меня
Видал, пока я не исчез бесследно.
В жестокой алчности моих гостей
Останутся обглоданные кости,
И непогоды превратят их в прах,
И легкий прах легко развеет ветер,
Не оставляя больше ничего.
Два глаза у тебя: яви мне лик мой.
Неужто вижу в них мое лицо?
Грек, отведи глаза, они не лгут.
Грек, отведи глаза, пока свой образ
Ногтями я из глаз твоих не вырвал.
А может, лжет твой взгляд, и нет меня —
Есть только память обо мне минувшем.
Но нет: тебя мое зловонье душит.
Так значит, это правда — это я.
Ну, назови же мертвых мне и время,
Прошедшее с тех давних пор, как я,
Дрожа в ознобе из-за мерзкой раны
За флотом, уходившим прочь, следил.
Ловил недостижимых весел шум.
С тех пор, как сам я пропадал из виду,
С тех пор, как крик мой замирал вдали,
С тех пор, как шум иной наполнил уши —
Плеск синевы, изборожденной ветром,
Дороги шум, ведущей в никуда.

Не торопись с ответом. Пусть прошло
Сто лет иль десять – нет такого бога,
Который смог бы мне их возвратить.
Пускай потоки горьких слез пролью, —
Прах никогда не станет снова плотью.
Да я и разучился слезы лить.
Но я пролил бы слезы, увидав
Двуличной трехголовой плоти труп.¹²
Я не хотел бы мертвыми их видеть
Я не хотел бы, чтоб удар случайный
Мне помешал тех мертвых убивать.
А я бы убивал их не однажды,
Не тысячу, не десять тысяч раз,
А дольше, чем вся жизнь их будет длится.
И дольше, чем продлится жизнь моя.

Неоптолем

Пока еще не покорилаь Троя.
Десятый год уж тянется война,
И живы ненавистные вожди,
И жив Итаки царь – мой враг и твой.
Ахилл пронзен стрелой Париса-вора,
Погиб Аякс. Он вынес с поля боя
Ахилла труп, за что ему вожди
В надежде, что в бою за труп отца
Брешь в стенах Трои воины пробьют,
Что победить живым поможет мертвый,
Назначили тогда вознаграждение:

Доспех отца – копье, и меч, и щит,
Мое наследство и мое богатство.
Отец лежал под городской стеной,
Визжащая толпа троянских вдов
Плевалась, осыпая труп камнями,
Пока Аякс не вытащил его,
За этот подвиг раной заплатив.
Но Одиссей здоровою рукой
Сорвал плоды чужой горячей раны.
Вожди итакцу продали доспех,¹³
Не им и не ему принадлежавший,
Ценой назвав рабыни пленной грудь.
Когда обманутый обман заметил,
Он с криком протянул пустые руки
К шатрам своих обидчиков-царей,
Чтоб виден стал кровавый раны цвет —
Цена доспехов, вырванных обманом.
Но в свой шатер унес он лишь издевку.
Грабитель ловко языком болтал,
И прав своих не доказал Аякс.
Он гнев пытался погасить вином
И, от вина ослепнув, той же ночью
Напал на стадо, бил, колол, рубил
В безумии трофейную скотину,¹⁴
Которую он принял за вождей.
Наутро он опомнился, увидел,
Что весь он разукрашен кровью стада,
Что клочья мяса держит он в руках,
Что утолить ему не удалось

Другую кровью жажду правой мести,
С мечом кровавым к морю он ушел
Под громкий хохот из обоих войск.
Обмыл себя в чужой волне прибоя,
Обмыл свой меч, потом в чужую землю
Воткнул он твердо рукоять меча
И долгий путь на берегу чужом,
Окрасив кровью, через меч прошел.
Через свой меч – и канул в черноту.
Все это было. Было и другое,
О чем не стоит знать. В тот год, когда
На Скиросе я пас своих коней.
Вожди ко мне итакца подослали,
Надеясь мной заткнуть дыру на фронте.
Он скрыл, что он украл мое наследство.
Он просьбами и сладкими речами,
Суля отцовский меч, копье и щит
Меня в свою ловушку заманил.
И вот я вижу Трою невредимой,
А за спиной моей – морская даль.
Я знаю, их расчет был очень верным:
Пока мы не растопчем в прах твердыню,
Я за себя свой меч не подниму,
Иначе Троя выдержит осаду
И в прах растопчет наши города.
Мне было трудно сердце обуздать,
И я покинул фронт, когда не смог
Плечом к плечу с итакцем в бой идти.
Он выхватил из мертвых рук копье,

А со спины снял меч, снял щит с груди,
Ограбил прах, меня на свет родивший,
Когда был плотью. Я, как ты, надеюсь,
Что враг наш моего живым оставит.

Филоктет

Ты ненавидишь моего врага,
И твоего врага я ненавижу.
А то, что мы любили, прахом стало.
Идем на берег, покажи корабль.
Свези меня на Милос. Будем ждать.
Ты – на своем, я – на своем побережье,
И каждый день, взор устремив на море,
Мы станем море спрашивать: где враг?
Пусть скатертью ему дорога ляжет,
Пускай счастливым будет возвращенье.
Ему вдвоем раскроем мы объятья.

Рычит.

Возьми свой меч, сынок. Отрежь мне ногу.
Боль – птица с очень острыми когтями —
Вновь кружит по моей зловонной плоти.
Явилась гостья, что так мало спит,
Развлечь хозяина истошным криком.
Отрежь мне ногу, скот. Возьми свой меч.
Кто этот камень в грудь твою вложил?
Дай мне твой меч, пока моя рука

Мечом способна ногу отрубить.

Неоптолем

Ты обопришь-ка на мое плечо,
Пока нога не держит,
И стрелы тоже. Могут ведь поранить,
Когда тебя боль пополам согнет.

Филоктет

Прочь лапы, грек. Не смей касаться лука.
Пока нога не держат, говори
О Милосе, об острове моем.
Прекрасней Милоса нет ничего на свете.
Как долго я деревьев не видал,
Той зелени, которая дарила
Нам мачты наших черных кораблей.
Как долго проклинал я смельчака,
Что начал первым по морю шагать,
Обувшись в корабли. Он изобрел
Мою чужбину и мой путь домой.
Будь он благословен за то навек.
Как долго в одиночестве я гнил,
Как мучила меня мужская плоть —
Другая рана скованного тела,
Когда на пене волн соленых моря
Друг к другу нежно приближались птицы,
Когда волна ласкала красный камень —

Мое жестокое пустое ложе.
Свези меня на Милос. Подержи
Больную ногу, что меня не держит,
Не хочет на желанный путь ступить.
И руку мне займы для лука дай,
Пока моя рука вновь не окрепнет.
Лук крылья голоду займы давал,
И я опережал врагов крылатых,
Хватал стервятников он мертвой хваткой.
Я никогда не расставался с ним.
Его вложил мне в руки сам Геракл
За то, что я исполнил страшный долг,
Который сын его не смог исполнить.
Когда сгорал Геракл живьем в рубашке,
Подаренной его жене кентавром,¹⁵
Я факел к куче хвороста поднес.
Исчезло с глаз долой в огне бескрайнем
Все то, что не желал он больше знать
Жена и дети, небо и земля,
И плоть, охваченная страшной болью.
Продлил мне умиранье этот лук,
Чтоб ты сейчас меня увез из смерти
В жизнь, что не знает смерти до конца.

Неоптолем *берет лук*

Не видеть бы ни Лемноса, ни Трои.
Зачем я сделал шаг по той стезе,
Где, как мечом, я сам себя рассек.

Удар ужасней, чем удар меча.
И этой раны время не залечит.
Наш путь не будет для тебя желанным.

Филоктет

Как много слов для слова одного.
Второй раз коршунам оставь меня.
Тебе противна мерзостная вонь,
Что отдала меня им в первый раз?
Верни мне лук, и можешь уходить.
Избавь корабль от тягостного груза.
Избавь свой слух от диких криков боли.
Хочу забыть о том, что ты здесь был.
Какой-то тени тень меня накрыла.
Мираж какой-то выкинуло солнце,
Развратничая в полдень здесь, на камне,
Иль человеческим голосом со мной
Заговорил прибой. Иль изрыгнул
Блевотину какой-то коршун здешний,
Сожравший грека под стенами Трои,
И, голос обрета, она болтала.
Эй, голос, лук отдай, пока ты слышен.
Я десять лет учился в школе греков,
Да видно, не пошло ученье впрок.
Оставь меня стервятникам моим.

Неоптолем

Я больше лгать не в силах. Слушай правду.
Без войска твоего не рухнет Троя.
И только ты свое удержишь войско
В походе нашем. Чтоб вернуть тебя
Из долгих лет страданья к вечной славе,
Вспахал я море. Не хотел я лгать.
Обманывать тебя – я сам обманут.
Но путь один был – лгать во имя долга.
Узнай же правду, Лемноса хозяин,
Хоть горечь от нее на языке.
Твой враг и мой враг ждет на берегу,
Хоть в этом я не лгал; пусть рухнет Троя —
И я убью его своей рукой.
Иль вместе мы итакца умертвим.
Пусть и война, и он скорей подохнут.
Иди за нами в битву. Ей нужны
Рука и голос силой в тыщу рук.
Больную ногу исцелит Асклепий.
Идем же. Лук твой жжет мою ладонь.
У слабого он слишком быстро отнят.

Филоктет

Ты от стыда краснеешь, победитель?
Не надо, ты работы не стыдись.
Ловушку ты отличную поставил.
Приманку я со вкусом проглотил.
А тот, кто лгал и лгать тебя учил,
Мой-враг-и-твой, вор и грабитель,

Тебя похвалит он. Гордись, герой.
Чего еще ты хочешь, в руки взял
Колчан, в котором жизнь моя и пища?
Униженный, дави, топчи меня,
Учи меня. как надо унижаться,
Учи меня, как нужно падать ниц,
Как нужно слизывать врага слюну,
Как перед ним на брюхе мерить землю.
Он прижимал меня ногой к земле,
Когда горячка шею мне согнула.
А он был целым войском защищен.
Ты, враг моих врагов, учи меня
Испытывать блаженство оскорбления
Пинай меня, толкай, не церемонься.
О счастье – прахом под подошву лечь,
Что стольких мне подобных растоптала.
Лжец с песьим сердцем,¹⁶ грязное отродье,
Тебя в свинарке зачал сатир,
Вперегонки скакавший с жирным хряком.
Ты брошен был коровницей в навоз,
Где пьяный царь сблевал на недоноска,
А после подобрал его по пьяни,
Загаженного желчью и дерьмом.
Из глаз моих ты вынь свое лицо,
А из ушей – все лживые слова
И затолкай себе обратно в глотку.
Сладкоголосой лжи поверил я,
Чревовещанью из утробы лживой.
Ну, выплюнь в море скверный свой язык,

Пусть рыб он учит лгать; вынь воздух свой,
Не отравляй мой воздух мерзкой вонью
И задохнись в зловонии своем.
О море. Небеса. Безглазый камень.
Я собственной глупостью сражен.
Лежу под солнцем, а передо мной
На расстоянии стрелы полета
Маячит то, что я бы раздавил,
Когда бы не был собственной ногой
К земле пустынной Лемноса прикован.
Ты послан у стервятников отнять
То, что стервятникам итакец бросил.
На новой службе подхалим-слуга
Ждет, что приманка в сеть затащит рыбу,
Чья вонь лишь здешним коршунам по нраву.
А рыба коршунам простить не может,
Что коршунам другим она досталась.
И эта рыба все еще воняет,
Но не смущает вонь ловца дурного,
Ведь без улова он уж не рыбак.
Всего зловонней собственная падаль,
Хотя ее зловония не слышишь.
И окажи мне милость, сын Ахилла,
Коль ты и в этом не солгал, а судя
По милостям твоим, ничейный сын.
Ты отнял лук и стрелы, а теперь
Возьми и грудь – колчаном для стрелы.
Твоей добычи часть мне одолжи,
Ограбленному уступи хоть малость

Длиною в путь меча от кожи к сердцу.
Потом железо вынешь из груди,
(Смолчит свидетель твоего позора)
И сообщишь подельникам твоим,
Всем этим грекам, первому – итакцу,
Ведь он тебе всех ближе и родней,
Поскольку отнял у тебя наследство,
И всем своим потомкам сообщишь,
Коль семя сохранит тебе война
И хватит мира, чтоб его посеять,
Что умер Филоктет, глупец великий,
На Милосе рожденный, что погиб он,
Дурак из дураков, поверив греку,
И стал колчаном собственной стрелы.
Что сам просил он расстрелять себя,
Что смертью пал от собственного лука,
Что эту просьбу выполнил глупец,
Приплывший на пустынный остров Лемнос,
Где их обоих обуяла глупость.
Что этот остров, красный камень этот —
Для дураков и коршунов приют.
Здесь пожирают коршунов глупцы
И попадают на обед к обеду.
Не надо хоронить мой труп в земле,
Чужой или своей. Я не хочу
Чтоб прах мой рядом с вашим прахом лег,
Когда могилу камнепад разрушит.
Не надо труп мой на костре сжигать
И по ветру развеивать мой пепел.

Я не хочу, чтоб с вашим он смешался.
Не надо коршунам бросать меня,
Ведь коршуны так любят мертвечину.
И рыб кормить не нужно мной. Вдруг рыба
Моя окажется и вашим портом?
И в солончак меня кидать не стоит —
Такое развлечение предстоит,
Быть может, вам, как мне, но чуть попозже.
И соль разъест и ваши плоть и кости,
И станете вы солью, как и я,
И мы навечно теми же пребудем.
Снесите труп мой к кратеру вулкана,
Туда, где дым стремится вверх от солнца,
А солнце полыхает под ногами,
Не зная ни закатов, ни восходов.
Швырните же меня с размаху в жерло —
С одной ногой я упаду быстрее,
Чем смог бы убежать на тыще ног,
В то пламя безучастное сквозь дым.
Я все сказал. Теперь стреляй в меня.

Неоптолем

О, если б у войны другой был путь,
Чем над врагом врагов победа наша.
Иной был к славе путь, чем путь позора,
Которым я сейчас иду на берег
Докладывать о выигранной победе.
Краснея, отдаю из черных рук

Врагу добычу, выланную подлю.
Мы с ним вернемся, чтоб связать тебя
И притащить на берег, к кораблю.
Раз отказался ты влезать в ярмо,
Я под ярмо свою подставил шею.
Уж лучше бы твоя стрела в груди,
Чем этот лук – в запястных руках.

Уходит с луком.

Филоктет

О если б стать мне самому стрелой
И, убивая, чувствовать смерть жертвы.
О, если б остров на врага свалить
И, солью захлебнувшись, ощущать,
Как мой смертельный враг хлебает соль.
Кто сделал нас, тот лишь полдела сделал.
Рука, метнувшая так много стрел,
Не в силах самого меня метнуть.
Нога, что растоптала столько стран,
Ступать не может, если почвы нет,
Чему не нужен я – то нужно мне.
Без неба, и земли, и кругозора,
И без всего – меня на свете нет.
Послушай, Филоктет, мне надоело
Твои стенанья слушать. Пасть заткни.
Довольно криков. Хватит ожиданий
Кобыла, запрягись опять в ярмо

Учись жить снова, мясником под Троей.

Встает.

Ты снова нужен, снова сети стоишь,
Так бейся же за место в ячеях.
Пускай чума от смрада задохнется.
Для их носов ты больше не воняешь.
Ты что, нога? Не хочешь на корабль?
Уж десять лет, как нет у нас другого.
Другого нет. И никогда не будет.
В оковах есть дыра лишь для оков.
И только враг твоим быть может другом.
И ненависть, прожеванную пищу,
Приправу к коршунам, сглотни скорей.
Врага благодари, став на колени,
За то, что ненависть тебе внушал,
И сохрани ее в чуланах плоти,
Пока твой голод месть не утолит.
Ты жил надеждой, что погибнет враг,
Жди дальше, ведь теперь надежда больше.
Пусть тысяча твоих смертельных стрел
Хранит для смерти от тысяча первой
То, что по праву ей принадлежит.
Когда б другой твоею плотью был —
Зловонною, больной, рычащей плотью,
Он ничего другого бы не сделал.
Я был сплошною раной, я кричал
Вслед флоту и вслед пенью парусов,

Я жрал стервятников, годами жил
Под страхом растерзания. Я. я, я.
За ненависть сполна я заплатил,
Моя нога нащупает дорогу,
Что обещает ногу ей под пару,
Когда ее Асклепий исцелит.
Свинцовый боли вес дает ей крылья,
Приманка волочет больное мясо.
Иди, есть место под подошвой греков.
Займи же, гниль, местечко под подошвой.
Живи, жди скоро нового пинка.
Приятно быть слугою кровопийц.
Пинок – их ласка, а плевок – их хлеб.
Беги же, одноногий, в грязь ложись.
Зловонье битвы вонь твою излечит.

Идет.

Чьи там шаги?

Одиссей, Неоптолем.

Одиссей

Тебе они знакомы.

Филоктет

Чей голос незабвенный слышу я?

Одиссей

Того, кто голос твой не мог забыть
С тех пор, как отдал коршунам его
По долгу службы.

Филоктет

Той же самой службы,
Где получил я рану.

Одиссей

И не мог
С такою раной долг свой выполнять.

Филоктет

Ты помнишь Филоктета?

Одиссей

Да, тебя.

Филоктет

Меня? А это – я? Кто ты такой?

Одиссей

Я Одиссей. Не притворяйся дурнем.

Филоктет

Но Одиссей был лжец. Коль это ты,
Тогда ты лжешь, и я – не Филоктет.

Одиссей

Быть может, Одиссей настолько лжец,
Что Одиссеем он себя считает
И в этом тоже лжет, и он – не он.
И он тогда не лжец, и, коль зовет
Тебя он Филоктетом, ты есть ты.
Довольно разговоров. Встань. Идем.

Филоктет *Неоптолему*

Отдай мне лук, верни мою стрелу.

Одиссей

Сам не пойдешь, тогда тебя мы свяжем.
Так надо. И тебе, и нам.

Неоптолему.

Веревку.

Филоктет *Неоптолему*

Исправь то зло, что сотворил невольно.
Лжец сделал из тебя лжеца и вора.
Сотри с себя клеймо, верни мне лук,
И доброе себе вернешь ты имя.

Одиссей *Неоптолему*

Ему ты не поможешь, не пытайся.
А каждый миг, что мы теряем здесь,
В далекой битве гибнет человек.

Филоктет

Тем лучше. Буду время я тянуть,
Пока последний грек на груде трупов,
Оставленной на месте бывшей Трои
Иль на руинах греческой твердыни.
На груде, достигающей небес,
Свой меч сломает, разобьет свой щит
И шлем погнет об острия созвездий,
И сам погибнет от руки троянца —
Последнего врага на груде трупов.

И только мертвецы на поле битвы
Продолжат, загнивая, эту битву
За место, где продолжают гнить.
Мгновенье дешево. Ему цена – жизнь грека.
А что есть грек? Мгновенье чуть дороже.
Оставь себе мой лук. Получше лука
Оружье есть. Оружье это – время.
Я даже пальцем не пошевелю,
А грек умрет. И снова грек умрет,
А я не шевельнул хотя бы пальцем.
О время – ты без возраста убийца.
Я десять лет твой проклиная ход.
Ты не давало шагу мне ступить
И с каждым шагом пригибало к камню.
А нынче я тебя благословляю.
Нет в нужнике твоём такой дыры,
Чтоб чрез нее живое просочилось,
И нет границ, чтоб сдерживали плоть.
Твой ход – мой ход, с тобой идем мы в ногу.
Богам мы неподвластны – ты и я.

Одиссей

Веревку.

Неоптолем *Филоклету*

Не хочу держать твой лук.
И не хочу руки ему подать,

И связывать тебя я не хочу,
Но есть лишь этот путь к твоей свободе.

Филоктет

Вы схватите руками пустоту.
Вы свяжете веревкой только воздух.
Один лишь шаг – и я уйду свободным.
Мой вес по собственной моей же воле
С камней на камень сбросит вниз меня.
Как ни хвалитесь, ни к чему вам путь,
Где нас никто живой догнать не сможет.
Ногтями соскребайте со скалы
Мою сто раз разодранную плоть.
Веревками шнуруйте мой скелет,
Разбитый сотни раз, и гниль мою
К ногам хозяев ваших доставляйте.
Она сгодится, чтоб на час продлить
Собачью жизнь троянцев, чтобы вырвать
Из пасти псов троянских ваше мясо.
А я вас подожду там, где я буду.
Собакам поделом собачья смерть.
Так говорит вам некто Филоктет,
На Милосе рожденный, ускользнувший
На Лемносе от вас – в собачью пасть.
А вы, собаки, вслед за ним пойдете.

Одиссей *Неоптолему*

Бери-ка лук. Нам уходить пора.

Филоктету.

Быть может, ветер твоего паденья
От бури защитит Приама город,
Быть может, твой прыжок поднимет пыль,
И эта пыль от нас закроет Трою,
И молний боги не одолжат нам,
И смерть найдет нас рано или поздно, —
Мы так или иначе долг исполним.
Те, кто из праха нашего восстанут,
Быть может, не совсем забудут нас.
А Филоктет и тысячное войско
Слетят с обрыва кувырком на камни.
Скорей нам молнию одолжат боги,
Чем хоть единый рот когда-нибудь
В ту пустоту твое извергнет имя.

Филоктет

Останьтесь. Вы бросаете меня
Второй раз коршунам на растерзанье.

Неоптолем

Молчи о коршунах. Идем. Вот лук.

Одиссей

Лук этот мне отдай. Не так-то быстро
Проходит гнев, питавшийся так долго
Такою пищей. Поддержи его.
Моя рука не даст ему опоры
И путь не сгладит. Время нас не ждет.

Филоктет *Неоптолему*

Второй уж раз ты отнимаешь лук.
Но лучше знать, что он в куски разбит,
Чем видеть, что итакцу он достался.

Одиссей

Не только лука ты себя лишаешь.
Мечтай о мести, коль другой нет цели.

Филоктет

Себя моей приманкой хочешь сделать?
Твоя приманка чует мертвечину.
Тебя – на Скирос, а тебя – в Итаку
Обратный путь ваш вас не приведет.
Берите лук, он мне не пригодится.
Меня оставьте – вам не пригожусь.
Возьмите меч, топор, кирку, дубину.
Мне ноги отрубите топором —
Они идут за вами против воли.

Иль оторвите голову долой,
Чтоб не следил за парусом мой взгляд,
Чтоб голос мой не заглушал прибоя,
Не рвался вслед за вами на корабль,
Не рвался вслед за кораблем на море.
И кисти рук мне отрубите тоже,
Чтоб молча не молили место дать
На вашем корабле среди гребцов.
От туловища руки оторвите,
Чтоб красные обрубки не смогли
Пошевелиться в знак покорной просьбы.
Бесчувственным хочу лежать на камне.
Бесчувственным, не подчинившись вам,
Но от себя добившись подчиненья.

Неоптолем

Оставь его. Пускай он остается,
Коль с нами жизнь ему страшней, чем смерть.

Одиссей

Он, ты и я – у всех нас жизнь одна.
Идем. Коль он сбесился, что поделать.

Одиссей и Неоптолем уходят.

Пауза.

Входит Неоптолем с луком.

Филоктет

Ложь новую принес? Длинней веревку?

Неоптолем

Хочу тебе вернуть я этот лук.
Плыви на Трою или оставайся —
Как хочешь, но возьми его назад.
Я злоупотребил твоим доверьем,
Воспользовался немощью твоей,
Но не хочу своих пятнать я рук
Судьбой твоей, как он их запятнал.

Филоктет

Ты с ними. Поздно руки умыть.
И ничего уж изменить нельзя,
Хоть ты и изменил свое решение.
А Филоктет уж ничего не значит
Ни для себя, ни для своих врагов.
Ведь если камень падает на камень,
Ничто не разрывается, не бьется.
Пуškai же рвется плоть моя живая,
Пуškai же разобьются эти кости —
Пуškai вас псы троянские сожрут.
Пусть ничего на Лемносе не будет,
Одни лишь коршуны – да вы. Хотя

Вы – те же коршуны. А я – ничто.
С тех пор, как изменил я сам себе,
Бежав от вас по моему же следу.
А то, что было некогда моим,
Ты можешь взять, отбросить иль сломать.

Те же и Одиссей.

Одиссей

Зачем ему принес ты этот лук?

Неоптолем

Меня заставил ты его ограбить.
А я, ограбленный тобою лжец,
Хочу вернуть добро, тебя ограбив.

Одиссей

Подай мне лук.

Неоптолем

Не сможешь ты меня
От праведного дела отвратить.

Одиссей

Ты наши жизни отдаешь ему.

Неоптолем

Такой ценой я не хочу победы.

Одиссей

Погибнут с ним другие. Здесь и там.

Неоптолем

Нет, не допустят боги. Лгать нельзя.

Одиссей

Тебе бы с этой ложью погодить.
Под килем корабля воды довольно,
Чтоб смыть с тебя пятно. Для очищенья
Не нужно крови ни твоей, ни нашей.
Больной уж был бы на пути к спасенью.
Зачем в помощники не взял я камень?
Он был бы глух, не слушал бы речей,
Молчаньем долгим ловко подслащенных.
Он был бы слеп, не видел бы лица —
Изгнаньем долгим искаженной маски.
Я зря тебе оставил слух и зренье.
Пока кулак твой не разжала рана,

Отдай другое мне оружие – лук.
Вернись на наш корабль, баюкай волны.
Коль много слез, оплакать можешь рыб
За то, что бог им в крыльях отказал.
Или корабль, что уж не даст побегов.
И жди, пока он вновь захочет жить.
Мы далеко зашли, плутаем мы
В сети своих и вражеских шагов.
Чтоб выйти, нужно до конца идти.
Ты жалость выплюнь, у нее вкус крови.
Для чести здесь не время и не место.
Не вопрошай богов, живи с людьми.
С богами побеседовать успеешь.

Неоптолем *Филоклету*

Возьми, пока меня не сбил он с толку.

Одиссей

Назад – иль коршунам твоя рука.

Неоптолем

Иль рыбам – твой язык.

Филоклет

Стоять. Ни с места.

Неоптолему.

Меч убери. Оставь его живым мне.

Одиссею.

Его ты можешь изрубить в куски.
К нему я ненависти не питаю.
И, значит, слез над трупом не пролью.
Ты тоже меч отбрось, чтоб он тебе
Не поцарапал кожу ненароком.
Ведь смерть твоя моей работой будет,
И я хочу все сделать сам, один.
Как жаль, что смертны мы. Хотел бы я
Тебя теперь и вечно убивать.

Неоптолем

Показывает ненависть, что ты
Любил все то, что у тебя он отнял
По долгу службы и готов вернуть.

Филоктет

Уроки ты усвоил хорошо.
Но говоришь о том, кого уж нет.
Скорей услышит камень этот шум.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.